

Сюжет повести Н.В. Гоголя «Коляска»

Повесть Н.В. Гоголя «Коляска» никогда не пользовалась особым успехом у исследователей — в общих работах ей посвящали от силы несколько строк. Так, Г.А. Гуковский уделил ей около страницы в своей книге «Реализм Гоголя»¹, а немногочисленные отдельные статьи обычно начинаются сетованиями об отсутствии работ о повести². И хотя в XIX в. некоторые исследователи относили «Коляску» к «слабейшим» произведениям Гоголя (например, так поступил Н.Г. Чернышевский), современные ученые таких оценок избегают хотя бы потому, что известны восторженные отзывы о «Коляске» А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова. Охотнее приводятся слова В.Г. Белинского: «„Коляска“ есть не что иное как шутка, хорошая и мастерская в высочайшей степени», но «все-таки не больше, как шутка»³.

Фабула повести в академическом собрании комментируется следующим образом: «Сюжет „Коляски“ восходит, скорее всего, к тому анекдотическому происшествию с гр. М.Ю. Виельгорским, о котором рассказывает в своих воспоминаниях В.А. Сологуб: „Он был рассеянности баснословной; однажды, пригласив к себе на огромный обед весь находившийся в то время в Петербурге дипломатический корпус, он совершенно позабыл об этом и отправился обедать в клуб; возвращаясь, по обыкновению, очень поздно домой, он узнал о своей оплошности и на другой день отправился, разумеется, извиняться перед своими озадаченными гостями, которые накануне, в звездах и лентах, явились в назначенный час и никого не застали дома. Все знали его рассеянность, все любили его и потому со смехом ему простили; один баварский посланник не мог переварить неумышленной обиды; и с тех пор к Виельгорскому ни ногой“»⁴. При всей справедливости такого наблюдения нужно подчеркнуть, что в этой истории нет пунта, как нет его и в повести Гоголя. Это справедливо подметил И.З. Серман: «Анекдотический сюжет в „Коляске“ вопреки ожиданиям читателей ничем не раз-

решается»⁵. Схожий сюжет, но уже с новеллистическим завершением отыскивается в одном польском рукописном сборнике анекдотов и забавных историй второй половины XVIII в. (перевод наш. — С.Н.).

Об одном скупце

Рассказывал пан Поникевский, старинный шляхтич из Нурской земли, Говоровского прихода, об одном скупце, который не любил у себя принимать гостей, как это обычно ведется, что шляхтич к шляхтичу, хоть и незнакомый, в пути смело заезжает отдохнуть и перекусить. Так вот этот скупец, имение которого, как назло, находилось недалеко от тракта, внимательно следил, не сворачивает ли кто с дороги к нему, а заметив, тут же прятался куда-нибудь, повелев челяди сказать, что хозяина нет дома. Как-то раз приехали к нему по какому-то делу два шляхтича и уже издали заметили его у гумна, а он, захваченный врасплох, не зная, куда спрятаться, влез под кузов брички, перевернутый вверх дном на дворе у конюшни. Когда конюх доложил приехавшим, что хозяина нет дома, то шляхтичи ответили: «Это ничего, подождем тут его возвращения, а пока, раз уж у нас с собой пистолеты, развлечемся стрельбой по мишени, а ее нарисуем углем вот на этом кузове».

И случилось великое чудо: кузов, услышав об уготованной ему судьбе, начал двигаться, бок его приподнялся, и из-под него вылез в кургузом полушубке и в штанах из овечьей кожи сам хозяин, и сказал, что собирался только подшутить над почтенными гостями, чтобы они удивились, когда его увидят.

Этот же скупец убеждал, что кожаная одежда самая прочная, и поэтому круглый год, за исключением летней жары, ходил в полушубке и штанах из овечьей кожи своих же овец. Говорил он также, что овечья кожа по прочности уступает только человеческой, которая крепче всех других кож, в чем он убедился, видимо, на собственном опыте. Усаживаясь дома на лавку, он обычно эти штаны из овечьей кожи спускал, чтобы они о лавку не терлись, и несмотря на это за тридцать лет уже третью пару донашивал, тогда как собственная кожа за эти тридцать лет нисколько от дубовой скамьи не истрепалась⁶.

Сходство этого анекдота с повестью Гоголя бросается в глаза: и там и там неожиданно нагрянувшие гости застают хозяина врасплох, он прячется от них в/под коляску, где гости его и обнаруживают. У Гоголя коляска

играет сюжетобразующую роль, тогда как в польском анекдоте кузову брички отведено важное место в развязке, каковая у Гоголя отсутствует. Тем не менее польский анекдот подсказывает возможное развитие и завершение сюжета.

Рассказ «Об одном скупце» извлечен из сборника «*Vorago rerum, torba śmiechu*» («Пропасть вещей, сума смеха»), который составил в конце XVIII в. Кароль Жера (1743 — после 1799). Он родился в небогатой шляхетской семье, после обучения у иезуитов в 1765 г. вступил во францисканский орден. Вся его жизнь прошла в Подляском воеводстве, остававшемся в конце XVIII в. глухой провинцией со стародавними обычаями. Истории и анекдоты из шляхетской и приходской жизни и собрал Жера в своем сборнике, рукопись которого отыскал в конце XIX в. на чердаке провинциального шляхетского дома известный польский этнограф и фольклорист З. Глогер и в 1893 г. опубликовал ее. В настоящее время эта рукопись утрачена. Позднее более полный список (233 анекдота) первой трети XIX в. был обнаружен в Российской национальной библиотеке, а затем издан с комментариями в 1980 г.⁷ Если издание 1980 г. бережно сохранило языковые особенности и диалектизмы составителя, то З. Глогер в соответствии с издательской практикой своего времени, наоборот, исправлял провинциализмы Жеры. Отличаются сборники и по составу: так, интересующая нас история «Об одном скупце» читается только в издании 1893 г., а в сохранившейся рукописи ее нет. Эти отличия позволяют считать, что после завершения работы Жеры и его кончины рукописный сборник продолжил свою жизнь уже в читательской среде и мог не только переписываться, но и дополняться другими анекдотами и фацециями, т.е. состав сборника в разных списках менялся.

Несмотря на то что в сборнике Жеры во множестве встречаются местные топонимы и фамилии героев рассказов, какая-то часть анекдотов принадлежит международному фонду и лишь приспособлена составителем к местным условиям. Так, почти два десятка сюжетов находят соответствия в систематике польской сказки⁸, однако для анекдота «Об одном скупце» никаких соответствий ни в польском, ни в восточнославянском фольклоре нет⁹. В определенной степени это говорит об оригинальности сюжета, хотя для новеллистической литературы разграничение

оригинальных и заимствованных сюжетов исключительно сложно. Для наших целей важно, что Жера собирал и бродячие сюжеты. Проиллюстрирую это одним примером. В 1718 г. Феофан Прокопович произнес известное «Слово о власти и чести царской», в котором в качестве примера привел анекдот о двух ворах, забравшихся в церковь, позднее отразившийся в одной басне А.П. Сумарокова¹⁰. Этот анекдот отыскивается также только в сборнике Жеры, составленном более полувека спустя после произнесения Феофаном проповеди. Нет сомнений, что польский анекдот стал известен Феофану из устной традиции, как и другие польские фацеции, встречающиеся в его проповедях¹¹.

Связи творчества Гоголя со староукраинской литературной традицией давно выявлены¹², а в последние годы появился и ряд исследований о влиянии барочной литературной традиции на его творчество и о его интересе к украинскому барокко XVII–XVIII вв.¹³ Влияние устной традиции, которое Гоголь испытал из живой еще устной стихии, также несомненно. Он сам описал это в предисловии к «Вечерам на хуторе близ Диканьки»: «Но лучше всего, когда собьются все в тесную кучку и пустятся загадывать загадки, или просто нести болтовню. Боже ты мой! Чего только ни расскажут! Откуда старины ни выкопают! Каких страхов ни нанесут! Но нигде, может быть, не было рассказываемо столько диковин, как на вечерах у пасичника Рудого Панька. <...> Бывало, соберутся, накануне праздничного дня, добрые люди в гости, в пасичникову лачужку, усядутся за стол, — и тогда прошу только слушать. И то сказать, что люди были вовсе не простого десятка, не какие-нибудь мужики хуторянские»¹⁴. Эту веселую атмосферу устной стихии очень точно охарактеризовал М.М. Бахтин: «Странствующие школяры (бурсаки) и низшие клирики, „мандрованные дьяки“, разносили устную рекреативную литературу фацеций, анекдотов, мелких речевых травестий, пародийной грамматики и т.п. по всей Украине. Школьные рекреации с их специфическими нравами и правами на вольность сыграли на Украине свою существенную роль в развитии культуры. Традиции гротескного реализма были еще живы в украинских учебных заведениях (не только духовных) во времена Гоголя и даже позже. Они были живы в застольных беседах украинской разночинной (вышедшей преимущественно из духовной

среды) интеллигенции. Гоголь не мог не знать их непосредственно в живой устной форме»¹⁵.

В том же предисловии к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» Гоголь приводит хорошо известный анекдот о вернувшемся домой школяре, который «стал таким латыньщиком, что позабыл даже наш язык православный. Все слова сворачивает на ус. Лопата, у него лопатус; баба, бабус»¹⁶. Анекдот восходит к польским фациям, и очевидно, что Гоголь знал его из устных рассказов¹⁷. В языке Гоголя встречаются и полонизмы: так, знаменитые «андроны едут» из «Мертвых душ» восходят к польской фразеологии¹⁸. Учитывая особый характер польско-украинских литературных и культурных связей в XVII–XVIII вв.¹⁹, можно полагать вполне реальным знакомство Гоголя с анекдотом «Об одном скупце» в устной форме. Для русской литературы XIX в. это вовсе не исключительный случай. Так, в начале 1860-х гг. Н.С. Лесков дважды обработал польскую легенду о «трех нациях на Голгофе», известную в нескольких фольклорных записях и зафиксированную в польской поэзии уже в XVII в., но неизвестную восточнославянскому фольклору²⁰.

Обнаруженная сюжетная параллель к «Коляске», с одной стороны, не отменяет прежних суждений о повести, с другой — позволяет несколько уточнить их. Действительно, «Коляска» — это «повесть, основанная на анекдоте» (Г.А. Гуковский), хотя и без новеллистической развязки, секрет которой нам теперь известен. Гоголь, однако, по неизвестным причинам от анекдотической развязки отказался. Об этих причинах судить трудно, но нельзя не отметить, что у путешествующих шляхтичей наличие пистолетов скорее ожидаемо, а вот присутствие у приехавших на званый обед офицеров оружия выглядело бы неуместно. В главном герое повести, помещике Чертокуцком, усматривали будущие черты Ноздрева и отчасти Манилова²¹. Поскольку обнаруженный польский анекдот относится к историям о скупцах, то в Чертокуцком скорее можно усмотреть будущие черты Плюшкина. Если мы примем предположение, что своим сюжетом «Коляска» обязана польскому анекдоту, а не истории из светской столичной жизни о рассеянности и забывчивости Виельгорского, то становится понятнее промежуточное положение «Коляски» между «украинскими» и «петер-

бургскими» повестями Гоголя, о котором писал Г.А. Гуковский.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.; Л., 1959. С. 241–242.

² См.: Баранов В.И. Повесть Н.В. Гоголя «Коляска» // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Вып. 48. Сер. филол. 1958. С. 45–57; Garrard J.G. Some thoughts on Gogol's «Kolyaska» // Publications of the Modern Language Association of America. 1975. V. 90, N 5. P. 848–860; Hulanicki L. «The Carriage» by N.V. Gogol' // Russian Literature. 1975. N 12. P. 61–78; Семенов П.А. Стиль Гоголя в повести «Коляска» // Русская литература. 1976. № 3. С. 74–82; Золотусский И. «Мастерская шутка» // Золотусский И. Поэзия прозы: Статьи о Гоголе. М., 1987. С. 165–180; Новиков А.Е. Повесть Н.В. Гоголя «Коляска» в контексте литературной полемики середины 30-х годов XIX в. // Русская литература. 1991. № 3. С. 92–101; Кривонос В.Ш. О множественности смысловых планов в «Коляске» Гоголя // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1998. Т. 57, № 1. С. 9–17; Besprozvanu V. Смысловое строение повести Н.В. Гоголя «Коляска» // Russian Literature. 2012. V. LXXI, N 1. P. 19–34.

³ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953. Т. 2. С. 179.

⁴ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. 3: Повести. 1938. С. 695.

⁵ Серман И.З. Михаил Лермонтов: жизнь в литературе: 1836–1841. М., 2003. С. 213.

⁶ Fraszki i opowiadania ze starych szpargałów Karola Żery / Wypisał Z. Gloger. Warszawa, 1893. S. 206–207.

⁷ См.: Żera K. Vorago rerum, torba śmiechu, groch z kapustą, a każdy pies z innej wsi... / Wstęp, koment. i oprac. K. Żukowska. Warszawa, 1980.

⁸ См.: Krzyżanowski J. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Wrocław, 1963. Т. 2. S. 293.

⁹ См.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка, Л., 1979.

¹⁰ См.: Николаев С.И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 59–61.

¹¹ См.: Николаев С. Польский гуманизм XVI–XVII вв.: взгляд из Московской Руси // Slavia Orientalis. 2009. № 3. S. 275.

¹² См.: Петров Н.И. Южно-русский народный элемент в ранних произведениях Гоголя // Памяти Гоголя: Науч.-лит. сб., изд. О-вом Нестора-летописца. Киев, 1902. С. 53–74; Перетц В. Гоголь и малорусская литературная традиция // Н.В. Гоголь. Речи, посвященные его памяти. СПб., 1902. С. 47–55; Розов В.А. Традиционные типы малорусского театра XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н.В. Гоголя // Памяти Н.В. Гоголя: Сб.

речей и ст., изд. Императорским ун-том св. Владимира. Киев, 1911. С. 90–169.

¹³См.: *Shapiro G.* Nikolai Gogol' and the Baroque // *Slavic Review*. 1986. V. 45, N 1. P. 95–104; *Idem.* The emblem and its reflection in the works of Nikolai Gogol // *Comparative Literature*. 1990. V. 42, N 3. P. 208–226; *Idem.* Nikolai Gogol and the Baroque Cultural Heritage. Pennsylvania State Univ. Press, 1993; *Барабаш Ю.Я.* Гоголь и украинская барочная проповедь XVII в. // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. Т. 51, № 3. С. 3–17; *Он же.* «Казацкие летописи» XVIII века и гоголевское барокко // *Филологические науки*. 1992. № 4. С. 13–24; *Броджи Беркоф Д.* Барочными маршрутами повести Н.В. Гоголя «Рим» // *Гоголь и Италия*. М., 2004. С. 38–66.

¹⁴*Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 104.

¹⁵*Бахтин М.М.* Рабле и Гоголь: (Искусство слова и народная смеховая культура) // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 486–487.

¹⁶*Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 105.

¹⁷См.: *Shapiro G.* The role of «facetiae» in Gogol's early works // *Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the USA*. New York, 1984. V. 17. P. 69–74; *Idem.* Nikolai Gogol and the Baroque Cultural Heritage. P. 27–40.

¹⁸См.: *Николаева Е., Николаев С.* «Андроны едут». (Историко-этимологический этюд) // *Slavia Orientalis*. 1996. N 4. S. 503–508.

¹⁹О польско-украинских связях XVI–XVIII вв. см.: *Łuźny R.* Dawne piśmiennictwo ukraińskie a polskie tradycje literackie // *Z dziejów stosunków literackich polsko-ukraińskich*. Wrocław, 1974. S. 7–36; *Радишевський Р.П.* Українсько-польські літературні зв'язки XVI–XVIII ст. (деякі підсумки і перспективи дослідження) // *Українська література XVI–XVIII ст. та інші слов'янські літератури*. Київ, 1984. С. 186–205; *Radyszewskyj R.* Polsko-języczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVIII wieku. Część I. Monografia. Kraków, 1996.

²⁰См.: *Николаев С.И.* От Кохановского до Мицкевича: Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII — первой трети XIX в. СПб., 2004. С. 239–249.

²¹См.: *Баранов В.И.* Повесть Н.В. Гоголя «Коляска». С. 49.